

ДИАЛОГ, КОТОРЫЙ НЕ КОНЧАЕТСЯ...

Ваш собеседник — заслуженный артист РСФСР Владимир Гинзбург

тельный и коварный Кречинский в «Свадьбе Кречинского», неистовый и нежный Сирано, и дон Лауренсо в «Дурочке» Лопе де Вега...

В. Гинзбург. ...я, по-моему, сыграл всех существующих в драматургии «донов» и рыцарей...

...а вот одна из последних ваших работ — Кузьма в «Деньгах для Марии» Распутина...

В. Гинзбург. Кажется, понимаю, к чему вы клоните... К актерскому амплуа? Если отвечать коротко, то можно сказать следующее: «комедии плаща и шпаги» обязательно должны быть в актерской судьбе. Это школа пластики, речи. Она учит уменью двигаться, говорить открытым звуком, а не шептать, уменью носить костюм. А Кузьма, Вершинин в «Трех сестрах», Гаев в «Вишневом саде» — это уже другое измерение в постижении образа. Я, конечно, нарисовал огрубленную схему. На деле все гораздо сложнее, тоньше. «Плащ и шпага» тоже, разумеется, требуют и мастерства, и глубокого прочтения роли. Но измерение, повторюсь, другое. Что же касается амплуа, то его следует понимать как определенный склад характера. И в жизни ведь один человек оптимистичен, другой склонен задумываться, видеть, как говорится, оборотную сторону медали. Немирович-Данченко определял это как «заразительные нервы». Иногда у актера появляется желание расширить свои возможности, проверить свои «заразительные нервы». Вот, например, заслуженный артист РСФСР А. И. Корчажников. Многие годы он, в основном, играл роли «социальных героев». Режиссер Иван Тимофеевич Бобылев предложил ему острохарактерную роль Расплюева в «Свадьбе Кречинского». И Корчажников блестяще сыг-

рал. Оказывается, жили в нем такие потенциальные возможности. То же самое случилось с В. Дроздовым, со мной, другими нашими артистами. В этом большая заслуга И. Т. Бобылева, работать с ним чрезвычайно интересно, и творческий авторитет его высок. Многие приезжающие, включая и столичных гостей, не скрывают удивления по поводу того, как долго живут, не старея, многие наши спектакли. По пять, семь, восемь лет живут... Потому что не жидко замешано, крепко сбиты. Хотелось бы, в связи с этим, отметить и нравственную сторону дела: на работе, если она творчески организована, «халтурить» неприлично, не порядочно.

Как вы относитесь к такой актерской шутке-присказке о том, что антракт должен быть длинным, а спектакль коротким?

В. Гинзбург. Как к шутке — положительно, а как к жизненной позиции — сугубо отрицательно. Представьте актера «на простое» хотя бы в течение нескольких недель. Несчастнее человека не сыщешь. Занятость, занятость — вот наш девиз.

А точнее: девиз или удел? В. Гинзбург. С уделом сложнее. Театр, как бы он к этому ни стремился, полностью актера исчерпает, видимо, не в состоянии. Все равно кто-то занят не в полную меру. Чьи-то задумки, мечты, так и остаются нереализованными. Есть ли выход? Думается, да. Один из путей — в четкой деятельности артиста. Здесь у нас — белое пятно. Артисты драмы как чтецы используются крайне редко. Наша филармония, кажется, даже и не подумывает о наличии такой творческой силы. Жаль.

В минувшем году мне довелось участвовать в удивительном представлении. Я был

приглашен в театр оперы и балета на творческий вечер хора, исполнившего ораторию «Иван Грозный» С. Прокофьева. Не как певец, разумеется. Как чтец. Работа меня очень увлекла.

И я бы хотел подчеркнуть благотворное влияние процесса, когда происходит взаимопроникновение искусств, в частности, драматического и оперного. Я поддерживаю высказывание солистки оперы Э. М. Шубиной, (она недавно была собеседником читателей «Звезды»), тоже горячо ратующей за более крепкое содружество муз. Участие в оратории счастливо повлияло и на мою актерскую судьбу. Режиссер И. Т. Бобылев, вынашивавший идею поставить на драматической сцене историческую хронику «Великий государь», после оратории укрепился в своем решении. Сейчас репетиции в полном разгаре. Мне поручена роль Грозного. В чтецком плане я собираюсь работать и дальше. Хочется сделать литературный вечер типа «Смешно о серьезном», построив его на рассказах М. Зощенко. Ну и, конечно, Шекспир. Можно определить программу как «Венок сонетов». Много хороших намерений и у других артистов. Блок, Есенин, Шишков, Маяковский — да вся мировая литература — неистощимый кладезь для чтеца.

Почти каждый вечер вы выходите на сцену, ведете разговор с людьми. Их сотни в зале. И разговор длится годы. Нескончаемый диалог. Как же складываются отношения между актером и зрителем? И какие вопросы вам представляют наиболее важными в этом диалоге?

В. Гинзбург. В каждом человеке есть потребность в искусстве, тяга к нему, но «уровень общения» с искусством зависит от подготовленности. У нас в стране много делается для гармоничного развития личности. Однако проблемы в эстетическом образовании, общей культуре еще достаточно ощутимы. Нам нередко приходится бывать в колхозах. И мы отмечаем, как досконально знает иной крестьянин землю. Для него — это часть жизни, наука, которую он постиг с детства. Или вот человек, увлекающийся, допустим, химией. Прежде чем обратиться к ученому по интересующему его вопросу, он непременно полистает учебник, чтобы пополнить свои знания. Иначе неудобно. А от незнания азов театрального искусства неудобств никто не испытывает. Нередко на зрительских конференциях спрашивают: «Расскажите, как удается создать достоверный образ?».

Артисты, конечно, отвечают, но Станиславский это сделал давно и лучше. И книги Станиславского, хотя бы «Моя жизнь в искусстве» может прочитать любой. Это необходимо каждому, независимо от того, собирается человек стать артистом или нет, но в театроном ходит будет, спектакли смотреть будет... И всем, кто интересуется искусством, хочется пожелать: обратитесь поначалу к истории театра. Это даст глубокое удовлетворение впоследствии, когда человек сможет почувствовать новые оттенки в игре и режиссуре, которых раньше не замечал. А артисты получают более чуткого зрителя, играть для которого большое удовольствие и счастье.

В вечернем театре, праздничном и нарядном, — море огней. За кулисами же свет приглушен. Но вот включилась табло: «Тише! Идет спектакль!» Диалог со зрителями продолжается...

И. ФУКАЛОВА.

На снимке: заслуженный артист РСФСР В. ГИНЗБУРГ.
Фото В. Сердитых.

На традиционный вопрос «Как стать артистом?», довольно часто встречающийся в редакционной почте, я предложила Владимиру Феликсовичу не отвечать.

В. Гинзбург. А мне этот вопрос нравится! Вот когда спрашивают: «И зачем ты только стал артистом?» — тогда отвечать трудно и горько.

Что ж, извольте. Рассказывайте.

В. Гинзбург. В школьной самодеятельности не участвовал. Стихов на елке не читал. И вообще классическому представлению о том, как становятся артистом не соответствую. Я хотел быть пилотом, занимался в Пермском аэроклубе, готовился к поступлению в авиационное училище. Однажды забрел на занятие школьного драмкружка: нравилась одноклассница. Кто-то у них там не пришел или уехал, и мне предложили сыграть в скетче «Рука и сердце» Л. Ленча, тогда скетчи были очень популярны. Сыграл. И что-то со мной случилось. Заболел сценой. Послал документы во ВГИК. Не поступил. Несмотря на слезы матери, определился во вспомогательный состав труппы Пермского драматического театра. Потом стал заниматься в организованной при театре студии. Большую роль в моем становлении, человеческом, актерском, сыграл Георгий Бурков. Уже тогда в юном Буркове «просматривался» очень интересный, глубинный характер. Он удивительно тонко чувствовал природу персонажа, его, на первый взгляд, незатейливые, бесхитростные герои и смешли, и трогали до слез. Недаром этот артист был замечен таким мастером отечественной сцены, как Василий Макарович Шукшин. ...Ну, а я после студии четыре года работал во Владивостоке, жил обычной актерской жизнью, где много напряженного труда и много мечты...

Мечтали сыграть Гамлета, Сирано, Чацкого?

В. Гинзбург. Грешен. Мечтал. Сирано вот удалось. Счастливи, что спектакль «Сирано де Бержерак» уже семь лет живет на сцене, и я, налив длинный нос, выхожу на подмостки, проживаю удивительную судьбу Сирано, праздную свою сбывшуюся мечту. Вообще артист должен мечтать и должен много играть. Ведь это не хобби, а дело жизни, профессия. Конечно, не каждый день в театре появляется «Король Лир», «Ромео и Джульетта», «Чайка», в текущем репертуаре есть пьесы «проходные», и это не секрет, но играть надо, иначе потеряешь форму, заскучаешь, и когда придет твой «звездный час» — любимая пьеса — очень может случиться, что ты не готов, пустой. Ведь время идет, оно просто бежит, а ты можешь остаться в прежнем измерении. Вот это страшно. Я, например, в последние годы как-то особенно затосковал по Шекспиру. Надеюсь, к великому магу сцены наш театр все-таки обратится. Жду этого мгновения.

Лет десять назад, впервые увидев вас на сцене, помнится, в шекспировской пьесе, я подумала: вот яркий представитель «комедии плаща и шпаги»; в вашем репертуаре и романтический Старбак в «Продавце дождя», блиста-